[84] См. запись в бумагах Беньямина, хранящихся в Национальной библиотеке: «В год 1932, когда я был за границей [в Испании], мне становилось ясным, что вскоре мне придется проститься с городом, в котором я родился, быть может, навсегда. Несколько раз в моей жизни я переживал процесс иммунизации как выздоровление; в этой ситуации я вновь прибегнул к ней, намеренно пробудив в себе те образы, какие в изгнании имеют обыкновение с особой силой вызывать тоску по дому, — образы детства. Чувству ностальгии было дозволено иметь над моим духом не больше власти, чем средству иммунизации [дозволено иметь] над здоровым телом. Я стремился достичь этого, ограничившись рассмотрением необходимой социальной необратимости прошлого, а не той, что является биографически случайной» (Подборка № 1, бумаги Беньямина, архив Жоржа Батайя, Национальная библиотека, Париж).

[85] Письмо, Беньямин Гретель Карплус Адорно, март 1934 г. // 5. S. 1103.

[86] Zum Bilde Prousts // 2. S. 311.

[87] 5. S. 497 (K2a, 3).

[88] 5. S. 580. (N 4, 4; также 0^0, 76).

К ПУБЛИКАЦИИ ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ М. МЕРЛО-ПОНТИ «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ» (1945)

А. В. Густырь

Морис Мерло-Понти (1908—1961) — крупнейший французский феноменолог и один из наиболее значительных представителей экзистенциализма. Долгие годы дружеской связи и сотрудничества с Ж.-П. Сартром, вместе с которым он основал, а потом почти восемь лет руководил журналом «Тан модерн», и основательное изучение и освоение работ Гуссерля не привели к утрате его философией изначальной самобытности и своеобразия, позволяющего легко отличить Мерло-Понти от других представителей феноменологического движения. Это своеобразие, выразившееся в целом ряде оригинальных взаимосвязанных подходов и концепций, в сочетании с широкой философской и гуманитарной эрудицией, ясностью, тщательностью и стройностью мысли (по крайней мере в лучших работах) прижизненно обеспечили ему широкую известность и признание, сохранившиеся по сию пору. Основные и постоянные сюжеты философии Мерло-Понти, разработке которых так или иначе посвящены все его книги и эссеистика, — это онтология чувственно воспринимаемого мира в состоянии зарождения и оформления, подвижным центром и субъектом структурообразования и осознания которого служит живое человеческое тело: рождение идеального, невидимого, из наличного, видимого и их обращение; природа и история языка, включая историю искусства и философии; природа и история межличностных отношений и общественных установлений — онтология исторического

© M. Merleau-Ponty, 1945
© Вступительная статья А. В. Густыря, 1990

праксиса — и обнаруживаемое во всех регистрах и порядках переживаемого мира сочетание, переплетение, сращивание и взаимопревращение смысла и бессмыслицы, логоса и случайности. Ключевым и наиболее глубоким понятием при трактовке всех этих тем, открывающем тайны секретной лаборатории субъективности, объективности и смысла, оказывается феноменологическое понятие времени, или временения.

Поэтому знакомство с переводом главы «Временность» из наиболее известной, вошедшей в библиотеку мировой феноменологической классики книги Мерло-Понти «Феноменология восприятия» (1945) сразу вводит читателя в круг фундаментальных интуиций, «святая святых» его мысли (и, надо добавить, в сферу фундаментальных вопросов феноменологии и экзистенциализма вообще).

Прежде всего, при первом же обращении к теме времени в предыдущих главах «Феноменологии восприятия», Мерло-Понти, как и Гуссерль, отказывается от рассмотрения каких-бы то ни было естественнонаучных и технических вопросов измерения времени и вообще от восходящей к Аристотелю трактовки времени как меры движения — переменной величины, выражающей отношение между длительностями измеряемого и эталонного процессов. Его интересует, что такое сама эта длительность, что означает «длиться» или «времениться». И сразу же обнаруживается необходимая и непосредственная связь между временем и субъективностью. Без субъективности временность (длительность) мира исчезает, поскольку, как заметил еще Августин, прошлого уже нет, будущего еще нет, а значит, мир сам по себе сосредоточен в безвыходном настоящем, которое как таковое перестает быть временны́м модусом. Разумеется, можно спорить, опираясь на объективные основания, было или не было нечто в прошлом, действительно ли имел место тот или иной факт и произойдет или не произойдет на самом деле определенное событие в будущем, можно утверждать, что такое-то прошлое *было* (а тем более, что *какое-то* прошлое *было*), однако при этом нужно признать, что сами глагольные формы прошедшего и будущего времени обладают смыслом только благодаря появлению субъективности и что реальности прошлого и будущего как таковые могут сохранять или обретать наличное бытие только в форме субъективных интенций. На этом основании Мерло-Понти отвергает концепции сознания времени, явно или неявно объективирующие субъективность и тем самым замыкающие ее в настоящем, в том числе бергсоновскую трактовку длительности, согласно которой мир для сознания длится, поскольку психика сохраняет в настоящем бессознательные образы прошлого (здесь субъективность полностью отождествляется с наличным массивом осознаваемых и бессознательных переживаний различной силы и отчетливости). Однако феномен времени теряется и становится немыслимым, и если субъективность полностью обособляется и представляется, в духе кантовской и неокантианской

философии, как вневременное чистое трансцендентальное Я, перед которым разом развернуты синтезируемые согласно априорным категориям эмпирические содержания. Временность оказывается возможной, только если субъективность не заключена в настоящем и не находится вне времени, но, сохраняя непрерывную расположенность в настоящем, проникает в «уже нет» и «еще нет» и имеет их в виду или, точнее, со-держит, будучи узловой точкой перехода и обращения всех трех основных временных моментов. Таким образом, согласно Мерло-Понти, остается признать, что субъективность *совпадает* с живым временем: и субъективность, и время суть единство и непрекращающееся обращение будущего, настоящего и прошлого и невозможны друг без друга. Описанию этого живого времени как способа существования субъективности и субъективности как формы существования живого времени посвящены наиболее содержательные и интересные фрагменты публикуемой главы. Основываясь на понятиях и схемах гуссерлевских лекций 1904—1910 гг. о внутреннем сознании времени, Мерло-Понти в определенной мере проясняет и дополняет их, подчеркивая и усиливая фоновый для Гуссерля экзистенциальный смысл феноменологии времени, т. е. то существенное обстоятельство, что субъект не столько осознает время (может и не осознавать и не может представить предметно), сколько *есть* время и что образующие сознание времени первичное впечатление, ретенция, протенция — это еще и, что не менее важно, необходимые измерения бытия сознающего, конститутивные для смысла этого бытия и бытия вообще, поскольку одно и то же «быть» и «длиться». Парадоксально, но «быть» в подлинном и полном смысле свойственно только тому, что содержит в себе небытие, присутствует сразу и в настоящем, и в ненастоящих мирах былого и ненаступившего. Экзистенция — это трансценденция.

Однако в соответствии с основоположениями феноменологии — принципом интенциональности и вытекающим из него тезисом о строгой соразмерности, неотделимости и взаимообратимости субъективного и объективного, сознания и мира, «внутреннего» и «внешнего» — существенные структуры субъективности не могут не быть существенными структурами объективности и мира. Поэтому для мира, данного нам (а другого мира нам, без всякого сомнения, не дано), временность в точно такой же мере существенна, как и для субъекта. Все или почти все онтологические категории, начиная с категории бытия, определяются через время и обладают смыслом благодаря тому, что миру свойственна длительность или временность. Постоянство (тождество) и изменчивость (инаковость), возможность, действительность и необходимость, причина и следствие, закономерность и случайность — достаточно перечислить эти непосредственно зависимые от времени универсалии и вспомнить многочисленные их производные, чтобы понять, что только с появлением субъективности, привнесшей с собой время, мир приобрел предметную форму. Мерло-Понти собственно и интересует это начинающееся с первого

мгновения человеческого бытия в мире обретение миром предметной формы: вещами — смысла вещей, фактами — фактов, законами — законов и т. д., осуществляемое, как он доказывает, не усилиями конституирующего мир богоподобного трансцендентального Я, но в пассивном, бессознательном и стихийном временном синтезе. Без этого синтеза, по его утверждению, вообще невозможен смысл, как бы он ни трактовался: как цель или предел какого-то становления, как суть того или иного бытия, как конфигурация событий или как определенное сочетание обстоятельств, образующих ситуацию. Впрочем, оказывается, что и нарушение порядка, изменение сути, размывание формы, распады, скачки и разного рода путаница тоже возникают только во времени и в результате работы времени. И рациональность, и хаотичность мира произрастают из его временности.

Во временности как атрибуте экзистенции обнаруживается, кроме того (здесь Мерло-Понти повторяет Гуссерля), прообраз отношения к другому Я и открывается возможность так называемой интенциональной трансгрессии, лежащей в основе интерсубъективности: уже мое Я только что истекшего настоящего по отношению к Я текущего «теперь» — это Другое Я, с которым Я актуальное, однако, может себя идентифицировать, поместив себя путем попятного движения на его временное место с присущими этому месту интенциональными горизонтами прошлого и будущего.

Наконец, феноменология времени, и только она, с точки зрения автора «Феноменологии восприятия», позволяет адекватно осмыслить понятие экзистенциальной свободы. Отказываясь от вневременного трансцендентального Я кантианства, как и от сартровского безвременного, лишенного предыстории «ничто», т. е. не извлекая субъективность из времени и не прибегая к этому традиционному со времен Канта способу обоснования тезиса свободы воли (о значении которого для этики говорить не приходится), Мерло-Понти в следующей, завершающей главе «Феноменологии восприятия» трактует свободу как осуществляемое в экзистенциальной истории — не вне времени, а посредством времени — стилистическое самоопределение личности, с самого начала обреченной на своеобразное осмысление мира.

Таким образом, в феноменологии времени сосредоточены по существу все узлы и тайны наиболее фундаментальных вопросов эгологии, онтологии и этики, различные ее версии разводят целые философские миры, и освоение одного из них — философии Мерло-Понти — мы предлагаем начать именно с главы о временности.

Перевод выполнен по изданию: Phénoménologie de la perception. P., 1945. P. 469—495.